***Дубова Светлана Игоревна***
соискатель
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Москва

# ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

***Аннотация:*** *статья посвящена вопросу о том, какое место занимает историческая память в системе ценностных ориентиров, на которые опирается государственная политика современной России. Поскольку Конституция РФ запрещает устанавливать государственную идеологию, понятие «идеология» используется в широком значении. На материале нормативных актов 2020–2025 гг. показано, как память о прошлом становилась объектом государственной политики: от конституционной нормы о защите исторической правды до Основ государственной политики в области исторического просвещения. Рассмотрены основные каналы реализации этой политики (школа и вуз, памятные даты, музеи и исторические общества), а также ее региональное измерение на примере Чувашии. Сделан вывод, что результативность политики памяти зависит прежде всего от того, насколько она опирается на профессиональное историческое знание и учитывает исторический опыт разных народов России.*

***Ключевые слова:*** *историческая память, политика памяти, символическая политика, традиционные ценности, историческое просвещение, общероссийская гражданская идентичность.*

*Введение.*

Еще полтора-два десятилетия назад историческая память в России воспринималась главным образом как предмет научного интереса историков, социологов и культурологов. Сегодня о ней говорится в Конституции и целом ряде документов стратегического планирования, у нее появились собственные институты и государственные проекты. Перечень таких актов за последние годы заметно



Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

расширился: поправки к Конституции 2020 г., Стратегия национальной безопасности 2021 г., Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г., Основы государственной политики в области исторического просвещения 2024 г [3; 8–10]. С 1 января 2026 г. действует новая Стратегия государственной национальной политики, а сам 2026 г. объявлен Годом единства народов России [6; 7].

Говорить в этой связи об «идеологии» можно лишь с оговоркой. Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [3]. Поэтому мы используем этот термин в широком значении, понимая под ним совокупность ценностей и смысловых установок, которые лежат в основе государственной политики и воспроизводятся через образование, культуру, публичные выступления первых лиц. В отечественной науке близкое содержание чаще передается понятиями «символическая политика» и «политика памяти» [4; 11], и в дальнейшем мы будем опираться на наработки авторов, которые ими пользуются.

Задача статьи состоит в том, чтобы проследить, как историческая память встраивается в эту систему ценностей, какие функции ей при этом отводятся и через какие каналы она передается обществу.

*Историческая память как предмет исследования.*

Отправной точкой для большинства работ о коллективной памяти по-прежнему остается концепция М. Хальбвакса. Французский социолог показал, что даже сугубо личные воспоминания складываются в «социальных рамках», то есть опираются на язык, представления и ценности тех групп, к которым принадлежит человек [14]. Позднее П. Нора предложил понятие «мест памяти», к которым отнес памятники, праздники, символы и тексты, в которых сообщество фиксирует значимое для себя прошлое. Он же довольно резко развел память и историю: первая эмоциональна и избирательна, вторая по своей природе критична [5]. Для нашей темы полезно и различение, которое проводит Я. Ассман. Коммуникативная память охватывает опыт трех-четырех одновременно живущих поко-


Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

лений и уходит вместе с ними; культурная же закрепляется в институтах и ритуалах и способна существовать столетиями [2]. А. Ассман, развивая эти идеи, обратила внимание на то, как государство и общество выстраивают мемориальную культуру, в том числе в отношении травматического прошлого [1].

Отечественные исследователи активно включились в эту проблематику на рубеже XX–XXI вв. Л.П. Репина определяет историческую память как совокупность научных и вненаучных знаний и массовых представлений общества об общем прошлом [12]; Ж.Т. Тощенко делает акцент на ее роли в организации, сохранении и воспроизведении прошлого опыта народа [13]. Политологический ракурс представлен прежде всего в работах О.Ю. Малиновой, которая рассматривает политику памяти как часть символической политики, то есть сферы, в которой политические акторы конкурируют за утверждение своих интерпретаций прошлого [4]. Сравнительный материал по России и странам Восточной Европы собран в коллективной монографии под редакцией А.И. Миллера и Д.В. Ефременко, где подробно разобраны акторы, институты и нарративы политики памяти [11].

Для дальнейшего изложения из этого краткого обзора существенно одно: память о прошлом конструируется обществом и всегда несет ценностную нагрузку. Неудивительно, что государство, заинтересованное в общественном согласии, рано или поздно начинает считать ее сферой собственной ответственности.

*Нормативное закрепление исторической памяти.*

Переломным в этом отношении стал 2020 г. В новой ст. 67.1 Конституции РФ говорится о Российской Федерации, «объединенной тысячелетней историей», которая сохраняет память предков и преемственность в развитии Российского государства (ч. 2). Часть 3 той же статьи закрепляет, что государство чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды, а умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается [3]. Примечательно, что само словосочетание «историческая память» в ст. 67.1 не употребляется: речь идет о «памяти предков», «памяти защитников Отечества» и «исторической правде». Как самостоятельная категория оно появляется годом позже в



Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Стратегии национальной безопасности, где защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти отнесена к стратегическим национальным приоритетам [8]. Сдвиг, на наш взгляд, принципиальный: память начинает рассматриваться как объект защиты, а попытки фальсификации истории попадают в ряд угроз национальной безопасности.

Указ Президента РФ №809 (2022) включил в перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей «историческую память и преемственность поколений» [9]. Обратим внимание на саму эту связку. Память здесь понимается прежде всего как способ передачи ценностей от старших поколений к младшим, и в этой формуле уже заложена та просветительская и воспитательная логика, которая через полтора года получила развитие в специальном документе.

Им стали Основы государственной политики в области исторического просвещения, утвержденные Указом №314 от 8 мая 2024 г., то есть накануне Дня Победы [10]. Среди целей в документе названы формирование общероссийской гражданской идентичности, сохранение памяти о значимых событиях отечественной истории, патриотическое воспитание и недопущение умаления подвига народа при защите Отечества. Круг субъектов очерчен широко: помимо органов публичной власти сюда отнесены научные и образовательные организации, учреждения культуры, СМИ, общественные объединения и НКО. Хотелось бы отметить и то, что исторические знания, которые предлагается распространять, документ характеризует как достоверные и научно обоснованные; к этому положению мы еще вернемся.

В актах последних двух лет эта тенденция продолжается. Так, Стратегия государственной национальной политики до 2036 г. (Указ №858 от 25 ноября 2025 г.) связывает укрепление общероссийской гражданской идентичности с сохранением этнокультурного и языкового многообразия и прямо указывает среди задач сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне [7]. Указом №962 2026 г. объявлен Годом единства народов России [6]. Если подытожить сказанное, то за пять лет в России сложилась достаточно цельная система ценностных ориентиров государственной политики, хотя формально государственной


Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

идеологии у нас нет. Историческая память занимает в этой системе далеко не последнее место.

*Функции памяти и каналы ее передачи.*

Какие задачи решает государство, обращаясь к прошлому? На основании рассмотренных документов можно выделить несколько функций исторической памяти, хотя на практике они, разумеется, переплетаются. Первая и, пожалуй, главная из них связана с идентичностью: в стране, где проживает более 190 народов, память об общем прошлом служит одним из ключевых оснований общероссийской гражданской идентичности. С ней тесно связана легитимирующая функция, поскольку формула о «тысячелетней истории» и преемственности государства позволяет представить современный государственный порядок как продолжение длительной исторической традиции. Память о совместно пережитых испытаниях, и прежде всего о Великой Отечественной войне, выполняет консолидирующую роль, особенно заметную в периоды внешнего давления. Наконец, в документах последних лет на первый план отчетливо выходят воспитательная функция и защитная, под которой понимается противодействие фальсификации истории, в том числе правовыми средствами.

Основной канал передачи памяти – образование. С сентября 2022 г. в школах проводятся внеурочные занятия «Разговоры о важном», с 2023 г. старшеклассники учатся по единым учебникам истории, а студенты вузов осваивают курс «Основы российской государственности». Не меньшую роль играют коммеморативные практики. Здесь показательно привести в пример логику тематических годов: Год памяти и славы (2020) был приурочен к 75-летию Победы, а Год защитника Отечества пришелся на 2025 г., когда отмечалось ее 80-летие. Сюда же относятся акции «Бессмертный полк» и «Свеча памяти». Наконец, заметную часть работы берут на себя Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество, музеи и архивы, сеть исторических парков «Россия – моя история». К этому же ряду относятся крупные проекты вроде «Без срока давности», посвященного памяти мирных советских граждан, погибших от рук нацистов.



Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

В многонациональной стране общероссийская память неизбежно соседствует с региональной и этнической. На наш взгляд, именно на этом уровне политика памяти оказывается наиболее «живой», ведь она опирается на семейные истории и знакомые каждому места. Удачным примером здесь является Республика Чувашия. Указом главы республики, подписанным 9 мая 2020 г., 2021 г. был объявлен Годом трудового подвига строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, а 1 июля 2022 г. в с. Байгулово Козловского района открылся мемориал «Строителям безмолвных рубежей», ставший первым в России мемориальным комплексом в честь тружеников тыла. Подобные инициативы, как представляется, вполне вписываются в общероссийский нарратив и при этом наполняют его конкретным содержанием, узнаваемым для жителей региона.

Вместе с тем в научной литературе давно обсуждаются и проблемные стороны политики памяти. Напряжение между памятью и историей, о котором писал П. Нора, никуда не исчезает: память «отбирает и оценивает», наука же обязана проверять факты и допускает несколько толкований одного события [5; 12]. Исследователи предупреждают и о риске чрезмерной политизации прошлого, которая в международных отношениях нередко оборачивается «войнами памяти» [11]. Думается, частичный ответ на эти вызовы содержится в тех же Основах исторического просвещения с их акцентом на научно обоснованное знание. Представляется, что политика памяти становится устойчивой тогда, когда государство задает общие ориентиры, а профессиональное сообщество историков сохраняет самостоятельность в исследовании и интерпретации прошлого.

***Список литературы***

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.


Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

4. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 190 с.

5. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

6. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : Указ Президента РФ : от 25.12.2025 №962 // Официальный интернет-портал правовой информации.

7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента РФ : от 25.11.2025 №858.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ : от 02.07.2021 №400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ : от 09.11.2022 №809 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

10. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента РФ : от 08.05.2024 №314.

11. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

12. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.



Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

13. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14.

14. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.


Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)